
СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Павел ГУРЕВИЧ

доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора истории антропологических учений. Институт философии Российской академии наук. 119991, Российская Федерация, Москва, ул. Волхонка, д. 14, стр. 5; e-mail: gurevich@rambler.ru

ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ МОЗГА

В статье речь идёт о своеобразной тенденции в современной науке, которую можно охарактеризовать как десакрализацию мозга. В классической философии мозг выступал как поразительное творение Бога. Он трактовался как источник разумности, памяти и как выражение величия человека. Однако изучение мозга привело к мысли, что он имеет целый ряд дефектов, которые не позволяют оценивать его как огромное достижение эволюции. Во многих современных исследованиях мозг наделяется множеством серьёзных недостатков. Так, в философии возникает потребность заново переосмыслить такие понятия, как человек, сознание, мозг, эволюция.

Автор опирается на многочисленные труды нейронауки и пытается связать их выводы с философско-антропологическим мышлением.

Новизна статьи заключается в том, что в ней впервые анализируется вопрос о таком своеобразном феномене, как десакрализация мозга. Автор критически относится к попытке многих исследователей элиминировать психологию и свести психические процессы к рефлексам физиологии. Он выражает также несогласие с попыткой устранить свободу воли человека, подкрепляя такой вывод не вполне корректными исследованиями. Многие вопросы, поднятые в статье, требуют более основательной философской рефлексии.

Ключевые слова: мозг, сознание, человек, память, разумность, нейронауки, глупость, физиология, душа, интеллект

Мозг – поразительное ваяние Бога. В его замысловатых и хитрых извилинах исток памяти и разумности. Недаром у Шекспира сказано, что мысли вскормлены мозгом. Но ведь не только мысли. Эмоции и страсти человека тоже рождаются в его полушарном пространстве. Величие человека на протяжении многих веков, пусть и не всегда оправданно, соотносили с размером мозга. В живой природе нет более продуктивного органа. Он состоит из почти 100 миллиардов нейронов. Специалисты заявляют, что если бы каждый из них был звездой, то в черепной коробке разместилась бы треть Галактики – Млечный путь.

С древнейших времён мозг рассматривался какместилище души. Она, если рассматривать её как тонкую материю, может распространяться через мозг со скоростью молнии. Однако людям было предельно трудно понять, как функционирует это чудо Вселенной. Только в эпоху Возрождения церковь разрешила вскрывать тело покойника. Скальпель изо всех сил торопился проникнуть в мозг человека, разгадать его тайны. Мнилось, что люди на пороге потрясающих открытий, если им удастся уяснить, как работает мозг. Однако и в наши дни, когда наука изучила едва ли не каждую извилину, каждую ганглию мозга, его таинственная суть не ухватывается, она не раздвигает трансцендентные горизонты. Потрясает скорость передачи информации в сером веществе. Изумляет число мыслей, которые посещают буйные головы обыкновенных землян. Чаруют глубины памяти. Восхищает мощь энергии мозга, причём даже спящего. Мозг – символ неслыханных озарений, арсенал невысказанных идей. Его любимое занятие – креативность, творение нового и небывалого.

Но чем дальше продвигались учёные в постижении мозга, тем чаще возникали разочарования. Наверное, такое смутное чувство испытали и те мужи науки, которые изобрели громоотвод. Им казалось поначалу, что они могут теперь одомашнить молнии. Но этого не случилось. Исследователи умилились своему восторгу и даже допустили, что шаровые молнии обладают разумностью... И всё же представление об уникальности и неприручаемости мозга стало расшатываться.

Изучение мозга, накопление прорывных знаний о нём привели постепенно к тому, что аура, окружавшая извилистое серое вещество, стала меркнуть. Исчезло волшебство – мозг оказался не чем иным, как устройством вроде машины, наподобие гаджета. Да, обладает скоростями и энергией, вместимостью и относительной универсальностью. Но люди изобрели компьютер, и это породило иллюзию, будто мозг легко поддается конструированию. Соревнование мозга и компьютера накопило аргументы в пользу значимости мозга. Мозг сам по себе содержит множество дефектов. Это устройство только по первому впечатлению имеет идеальные характеристики. Однако мозг сработан грубо, шит белыми нитками. Природа трудилась долго и томительно, закрепляя в нём положительные задатки, но не справилась и вроде бы потеряла интерес к собственному чуду.

Что вы скажете, к примеру, о таком откровении: глупость, оказывающаяся, врождённое качество человеческого мозга? Вам казалось, что умственная отсталость – синоним безмозглости. Демонстрируя тупость, человек покидает мудрость мозга. По крайней мере, так думал Эразм Роттердамский, с иронией возвеличивая глупость. Интеллект вообще находится в сложных отношениях со способностями человека. Индивид может с поразительной скоростью усваивать информацию разных видов. Но это вовсе не свидетельствует о развитости интеллекта. Каким образом в процессе эволюции мозг закрепил в себе участок глупости? Зачем также понадобилась мозгу «область зла», в которую вселена врождённая жестокость?

Удивительная вещь: там, где то или иное открытие нейронауки должно рождать уверенность в святости мозга, он всё более напоминает мощную, но дефектную машину, способную даже погубить человечество. Да и сам характер постижения тайн мозга сегодня лишён того священного трепета, который ощущается на художественных полотнах Возрождения в глазах людей, разглядывающих разъятое тело. Мозг теперь перестал быть незаконной планетой в кругу расчисленных светил. Он не рождает прежней нуминозности, ибо становится объектом, имеющим количественные и качественные характеристики, как и другие физические объекты. Исследователи рассуждают в основном о блоках, биоритмах и структурах мозга. Волшебство дрейфует в инженерный или нейронаучный проект.

Оценивая роман Флобера «Воспитание чувств», Андре Моруа отмечал, что писателю было трудно примирить два полушария своего мозга. Разумеется, А. Моруа не знал о том, что мозг имеет функциональную разделённость. Он имел в виду метафоры романтика и реалиста. В наши дни после открытия Р. Сперри в основном толкуют о рассечении мозолистого тела, которое связывает мозговые полушария. Процессы в каждом полушарии протекают независимо, словно действуют два разных человека. Мозг один, а жизненный опыт разный. Исследователи, словно сговорившись, устремились к анализу этой личностной расщеплённости. Мозг оказался децентрированным, в нём обнаружены многочисленные полюсы, о державном единстве мозга вроде бы нет уже и речи. Коли так, так нет и единства сознания, способного к адекватному освоению реальности.

Угасший разум

Когда же начался этот процесс десакрализации мозга? Есть основания полагать, что это было спровоцировано изучением больного мозга. «Угасший разум», говоря словами Шекспира, судя по всему, мог окольным путём утвердить величие и бесценность мозга. Однако грань между нормой

и патологией оказалась слишком зыбкой, что невольно вызвало страх перед самым серым веществом. Что происходит, когда мозг болен и завис над пропастью безумия? Верно ли, что разум принадлежит человеку, а безумие лишает его антропологического статуса?

Мозг несёт смысл, а безумие – бессмысленность. А что подсказывает интуиция Шекспира? Он вкладывает в уста Лаэрта фразу «Бред полнотенней смысла». Психиатры XIX в. уже теряют уверенность в том, что мозг обладает чудодейственной сохранностью. Безумие во всех ликах преследует людей. И вместе с тем доказывает, что ненормальные могут рождать гениальные идеи. Например, в воспалённом мозге Ф. Ницше возникает идея сверхчеловека. В интуитивных прозрениях психиатров рождается мысль: уж не безумцы ли творят историю? Позже это убеждение озвучит М. Фуко: безумие и нормальный рассудок рождаются вместе, в одно и то же время [16, с. 12].

В начале XX в. К. Ясперса захватывает проблема соотношения мозга и психики. Он убеждён в том, что тело воздействует на душу не прямо, а только через мозг. Но как мозг в свою очередь воздействует на душевную жизнь? Ясперс пишет: «Мы с одинаковым основанием можем сказать: душа пребывает во всем теле – душа находится в мозгу – душа находится в определённом месте мозга – душа пребывает нигде; и каждое новое утверждение выражает определённого рода опыт, содержит свою собственную правду» [18, с. 562]. Однако философ был уверен в том, что продвижение к мозгу, к его локализациям не позволяет понять душевный мир человека.

Безусловно, органические заболевания мозга всегда меняют движение психической жизни. Но означает ли это, что психические процессы можно выводить напрямую из физиологии? Между тем многие исследователи сошлись на том, что спектр психических состояний должен иметь свои аналоги в структуре головного мозга. Чем дальше учёные углублялись в изучение мозговых извилин, тем более доказательной считалась эта мысль. На самом деле она вела не только к умалению душевных состояний, но фактически к ликвидации их психологической автономности. Уже бихевиористы стали рассматривать сознание как цепь условных рефлексов. Все процессы, которые соотносились с мозгом, подверглись чисто количественному просчёту. В качестве единственно научного метода бихевиористы провозгласили измерение капель слюны, которая истекает из фистулы у собаки.

Однако в современном сознании неожиданно стала набирать популярность идея врождённой и эволюционной порочности мозга. Откуда, вообще говоря, возникло убеждение в целесообразности и непогрешимости эволюции? Кому пришло в голову, что мозг – идеальное приобретение природы? Теперь, напротив, нейроспециалисты изо всех сил развенчивают мозг. Они вчиняют Богу обвинение в том, что он не сумел в качестве вселенского дизайнера создать сразу совершенный механизм,

который явился бы достойным подарком человеку. Но ведь если речь идёт об эволюции, то здесь вполне допустимы и нелепости, и отбраковки, и даже предельная эксцентричность. Эволюция и преднайдённое совершенство – две вещи несовместные.

Американский нейрофизиолог П. Маклин, разуверившись в мозге, привёл множество примеров, которые, по его мнению, свидетельствуют об этом устройстве как о биологической халтуре. Он отмечает, что, например, у некоторых насекомых и черепах голова столь массивна, что, перевернувшись на живот, они уже не в состоянии вернуться в исходное положение и погибают. Подобную ситуацию изобразил Кафка в повести «Превращение»: когда обычный коммивояжер Грегор Замза, проснувшись рано утром, обнаружил, что превратился в страшное насекомое. Лёжа на панцирнотвёрдой спине, он видел, что стоило ему приподнять голову, как утрачивалось равновесие. С верхушки его живота сползало одеяло, а многочисленные, убого тонкие по сравнению с остальным телом ножки беспомощно копошились у него перед глазами.

П. Маклин считал, что все без исключения беспозвоночные забрели в эволюционный тупик, который поставил предел развитию их нервного аппарата. Нервные узлы у них размещены вокруг пищеварительной трубки и в случае дальнейшего разрастания сдавили бы её недопустимым образом. Но причём тут человеческий мозг? Он тоже оказался оплошностью в конструкции. Такой просчёт был вызван «взрывной» эволюцией, которая развернула свои маршруты в плейстоцене. Оказывается, человеческий мозг не образовался сразу в своем готовом, совершенном варианте. В ходе эволюции можно выделить три разновидности мозга – старый, средний и новый. Они и составляют некий трёхслойный пирог мозга.

Первоначальный, так называемый рептильный мозг направлял деятельность инстинктов, позволяющих обеспечивать выживание и сохранность вида. Он окружён сложной лимбовой системой, которую специалисты называют «мозгом млекопитающего». Рептильный мозг обеспечивает уже простые познавательные навыки и эмоциональные переживания. Третий слой мозга можно назвать мыслящим. В нём происходит сбор, сортировка и анализ полученных сведений от органов чувств. Неокортекс соотносится с памятью, интеллектом, речевой деятельностью и сознанием.

Эти три отдела мозга выполняют сходные функции. Выживание в значительной мере зависит от качества обработки информации, поступающей из внешнего мира. Однако эти три слоя разнятся по химическому составу, структуре, действию и стилю. Можно полагать, что если у человека три мозга, то это даёт ему огромное преимущество перед другими живыми особями. Однако три мозга далеко не всегда действуют согласованно. Это возможно лишь в пиковых, стрессовых ситуациях, когда мобилируются все ресурсы человека. Но чаще всего возникает

разлад между сознательным и бессознательным, между рациональным и иррациональным, между рассудочным и эмоциональным, между ритуалом и символом.

Оказывается, главная опасность для будущего состоит в том, чтобы не прозевать вопиющую угрозу – разлаженную коммуникацию между названными видами мозга. Старый мозг обладал палеокортексом, восходящим к рептилиям, средний – мезокортексом, которым располагают низшие млекопитающие, новый – неокортексом, который присущ высшим млекопитающим и человеку. Дефект координации заметен постольку, поскольку многие функции филогенетически новых отделов мозга дублируются филогенетически более старыми его отделами. Последние «руководят» бессознательными вегетативными процессами в организме. Однако они посягают на ментальные и эмоциональные навыки.

Таким образом, в человеческом сознании соседствуют два самостоятельных экрана: на один из них проецируется грубый и упрощённый эскиз действительности. Он сопровождается обращением к низшим инстинктам и невербализированным эмоциям. Тогда как на другом экране обозначается более точный, дифференцированный и, в известной мере, аутентичный образ мира. Человеку, следовательно, по определению присуща психологическая раздвоенность.

По мнению другого автора – писателя и учёного А. Кёстлера, – настало время выявить патологические черты человеческого сознания. По его мнению, безумие пронизывает всю историю человека как особого вида. Дело в том, что эволюция похожа на лабиринт с множеством тупиков. Надо ли удивляться, что природное оснащение человека, хоть и превосходит экипировку других биологических видов, имеет в своей конструкции погибельный изъян. Если человечество не хочет самоуничтожения, надо срочно исправить просчёты эволюции.

В нашей черепной коробке, писал в 70-х гг. минувшего столетия А. Кёстлер, расположились бок о бок крокодил, лошадь и человек разумный. Однако первые две твари далеко не всегда подчиняются своему предполагаемому господину. Парадокс состоит в том, что они властвуют, подчиняя себе неокортекс. Человек реализует свои низменные инстинкты. Что должен делать тот слой мозга, который более развит и дифференцирован? Разумеется, накладывать запрет или прибегать к моральному осуждению. Однако вербальное мышление пытается рационализировать, оправдать эти примитивные обнаружения инстинкта, всевозможные аффекты. Об этом разладе свидетельствуют З. Фрейд как психолог и В. Парето как социолог.

Что же вытекает из этой десакрализации мозга? Эволюция наградила человека замечательным органом – мозгом, но не научила пользоваться им. Те ресурсы, которыми располагает старый отдел мозга, не могут остановить человека на пути деструктивности и безумия. Но, мо-

жет быть, человек способен опереться на те механизмы, которые действуют внутри инстинкта и носят запретительный характер? Скажем, в животном мире, как правило, отсутствует истребление внутри вида. «Брат не убивает брата» в мире инстинктов. Но в этом случае человек мог бы ориентироваться на «новый мозг», продуцирующий разумность.

Здесь П. Маклин и А. Кёстлер попадают в собственную ловушку. Они упускают из виду тот факт, что цивилизация, апеллирующая к разумности человека, тем не менее неспособна «окультурить», «облагородить» людей. Напротив, варварство вероломным образом превращает цивилизованность в дикость. Н.В. Мотрошилова отмечает мощные выбросы варварства в истории цивилизации. Варварство рассмотрено ею как «наследственный код» (относительно) молодой человеческой цивилизации, а в особенности – как оборотная сторона современной цивилизации [см.: 9]. Можно ли в этом смысле уповать на то, что аналогичные механизмы разумного характера – на уровне нового мозга – ещё не выработаны? Нет ли оснований считать, что разумность сама по себе, независимо от более ранних слоев мозга, обладает деструктивной мощью?

К чему, по мнению Кёстлера, привело искажение интегративной тенденции в деятельности мозга? Человек оказывается единственным биологическим видом, для которого внутривидовые различия важнее, чем внутривидовая общность. Совсем как у Александра Городницкого, «родство по крови порождает кровь». П. Маклин и А. Кёстлер сетуют на то, что в деятельности мозга разладилась коммуникация. Именно язык как достояние мозга и как средство общения и единства рождает распри и вражду. Образ Вавилонской башни постоянно маячит перед человечеством. «Призраки» сознания, согласно Ф. Бэкону, порождены несовершенством и неточностями языка. «Идолы площади или рынка» создают муки коммуникации. Оказывается, человек не может адекватно воспринимать посланную ему информацию. Американский психолог и психиатр Эрик Бёрн замечает, как бы имея в виду этот дефект мозга, если бы было иначе, человек напоминал бы счётную машину, делающую совершенно точные и однозначные вычисления по мере поступления на её клавиши данных из внешнего мира. Человек оказался бы куском глины, который сохраняет верный и неизменный отпечаток любого предмета, обнаруженного на его пути. В наши дни мощь технических средств общения всё равно не покрывает готовность к контактам.

Наделённый сознанием человек осознал конечность своего существования. Это открытие принадлежит «новому мозгу». Но древний инстинкт выживания не хочет мириться с этой перспективой. Его функционирование, утыкаясь в очевидность, не в состоянии преодолеть этот разлад. Культура наводняет своё пространство разными химерами и грёзами. Возникает расщеплённость сознания. Число шизофреников, как показывает статистика, растёт. Человечество шизофренизируется. Тотальное безумие готово потрясти мир.

В этой ситуации нет оснований надеяться на плавное развитие эволюции. А. Кёстлер предлагает пришпорить эволюцию, проще говоря, радикализировать её. Человечеству некогда ждать, пока сдвинутся стрелки времени. Не нужно бояться бега времени, который был однажды наречён «ужасом». На повестке дня обозначилась искусственная адаптивная мутация. Автор призвал на помощь нейрофармакологию. Неотложная задача – перестроить и гармонизировать работу мозга, человеческого сознания. Важно синтезировать такую таблетку, которая, будучи введённой в человеческий организм, обеспечит контроль разума над инстинктом. Это как раз и компенсирует анатомическую нехватку в коммуникационных каналах между старыми и новыми отделами мозга. Так будет усовершенствовано Божье творение.

Не опасны ли мутации такого рода? Есть ли возможность предвидеть все последствия такого шага? Кёстлер, во-первых, ссылается на тот факт, что искусственные мутации уже имели место в истории медицины. Он причисляет к ним способы борьбы с эндемическими патологиями, оснащение йодом питьевой воды в «зобных» местностях, массовую вакцинацию против оспы. Нужны ещё примеры? Пожалуйста – распространение новейших гормональных контрацептивов. Итак, насилие над человеческой природой. Но, по мнению Кёстлера, это всё-таки не столь радикальные меры, как, скажем, евгеника или нейрохирургический контроль над поведением. Однако готовы ли люди к такой экзекуции? Им дано право выбора. Они могут самостоятельно благословить таблетку. Но способны также последовать влиянию моды. Начавшись в одном месте Земли, привлекательная мутация перешагнёт все барьеры. Она приобретёт лавинообразный характер.

Возможно, кому-то это покажется слишком натуралистичным, приземлённым вариантом спасения человечества. Но и здесь можно добиться утрачиваемой святости мозга. Нужно лишь выразить его суть в традиционном мифопоэтическом варианте. Таблетка – это алхимический эликсир жизни. Он противостоит *mortido*. Поэтому у людей, которых Кёстлер называет «расой душевнобольных», есть шанс.

Нелепости мозга

Эволюция, оказывается, менее всего похожа на плавное накопление благодатных задатков. Она тычется во все углы и порой предлагает безумные решения назревших прорывных процессов. Особенно не повезло в этом отношении человеку. Он явно не годится для образца как «венец творения». Потомок Адама с самого начала был инвалидом природы, сработанным мешковиной и топором [8]. Бог не имеет никакого отношения к мозгу как величайшему творению. Эволюция постоянно ищет эффективное решение дальнейшей динамики. Но при этом зачастую вы-

бирает нелепый, несуразный, косолапый ход. Чтобы дать об этом хоть какое-то представление, Г. Маркус использует слово «клудж», взятое из технической практики. Если вам нужно быстро, наспех, на скорую руку решить конкретную проблему, вы можете взять на вооружение клудж. Так и поступает эволюция.

Впрочем, это относится не только к мозгу. Все живые организмы менее всего могут ассоциироваться с идеальной инженерной конструкцией. Чаще всего каждый из них слеплен из того, что было под рукой, без соблюдения критериев гармонии и соразмерности. Организм – это произвольная мозаика отдельных фрагментов, по случаю приносивших творению. Что касается человека, то он предельно далёк от совершенства. В соответствии с нынешним мышлением Г. Маркус ищет в природе конструкцию, а не эволюцию, машину, а не живой, спонтанный, противоречивый процесс, устройство, а не становящееся существо. Но как машина человек на самом деле, слава Богу, не представлен техническим проектом. Его мысли далеко не всегда рациональны, воспоминания зыбки, язык сумбурен. Однако вообразить иной образ человека, пожалуй, трудно.

Г. Маркус всё же считает, что «дизайн» человеческого мозга никуда не годится. В 1962 г. была опубликована статья «Как спроектировать клудж?». Она принадлежала компьютерному мастеру Д. Гренхольму, который определил клудж как набор несовместимых друг с другом, плохо подогнанных элементов. Мозг, по мнению Г. Маркуса, не самое беспомощное творение, но всё-таки дефектный механизм. Мы же не замечаем его ущербности. Пора трезво взглянуть на наши странные предрассудки, безотчётные страсти, подчас убогую память. Суровые расчёты с эволюцией подчас перетекают в жанр судебного приговора. Она, по его словам, не отличается ни умом, ни расчётливостью, ни ответственностью.

Человеческий позвоночник, рассуждает Г. Маркус, представляет собой самое отвратительное решение проблемы поддержания двуногого существа в вертикальном положении. В самом деле, зачем наш предок поднял глаза к небу? Оставался бы вечным ползунком. Куда больше смысла распределить живой вес человека на четыре опоры. Однако четвероногий волк, достигнув старости, тоже наживает прогнутую спину. Ангелы, согласно божественной традиции, вроде бы тоже не могут распределить равномерно свой вес, иначе зачем им крылья? Если бы наш предок не поднял глаза к небу, он, говоря словами И. Канта, не обрёл бы два чуда: нравственный закон внутри нас и звёздное небо над нами.

Можно подумать, будто до такого решения проблемы позвоночника не мог додуматься наш четвероногий предок. В философской антропологии давно известно, что человек находится в авантюре собственного развития. Каждое обретение потомка Адама имело свои положительные и отрицательные стороны. Поднявшись вертикально, наш предок, условно говоря, увидел небо. Не исключено, что именно так возникло у человека и трансцендентное чувство.

Увы, это привело к болезненным ощущениям в позвоночнике. Много ли новизны в этом утверждении Г. Маркуса? Выломившись из природного царства, человек стал заложником страха и трепета. Создав машину, он стал самого себя разбирать на технические детали. Но кто же мог дать эволюции такое инженерное задание? Да и в этом ли Божий замысел о человеке?

Текст книги Г. Маркуса порой напоминает профсоюзное собрание с критикой месткома. У человека тело, которое представляет собой набор несовершенств, с бесполезной выпуклостью над ноздрями, с зубами, которые подвержены гниению. Ноги у него болят, спина ноет, кожа – оголённая и нежная. Даже шимпанзе бегают быстрее, чем люди. Сетчатка глаза человека, которая воспринимает свет, расположена задом наперёд и обращена к задней части головы. В результате чудовищная зрительная аберрация. Реальность предстаёт перед нами особым образом, в частности, в каждом глазу у человека есть слепые пятна – области, не чувствительные к свету.

Но не подумайте только, что человек – изгой эволюции, её жертва, её пасынок. Предательство природы относится ко всем живым тварям. Можно полагать, что человек гордится не спиной или позвоночником. Он упоён мозгом. Разве Аристотель не называл человека «мыслящим животным»? Разве экономисты не исходили из постулата, будто в экономической сфере человек успешен, поскольку опирается на здравый смысл и ясное понимание собственных интересов?

Г. Маркус вступает в полемику с современными исследователями человеческой природы. Он не согласен со Стивеном Пинкером, который считает, что, несмотря ни на что, эволюционный процесс всё же позволяет выбрать лучшие варианты. Определённые части мозга неплохо сконструированы. Нет, к примеру, оснований считать, что качество инженерной мысли катастрофически ухудшается, когда информация доходит до уровня способности интерпретировать то, что мы видим, и реагировать на это. Но Г. Маркус неумолим. Он согласен с тем, что естественный отбор способен создать в высшей степени функциональный дизайн. Как и полагается ответственному инженеру, он требует от природы безупречных гарантий. Он убеждён в том, что, развенчав мозг, он заставит учёных усомниться и в человеческой природе как совершенстве.

Вопросы, которые задаёт Г. Маркус, разумеется, нуждаются в обсуждении. К примеру, зачем эволюции понадобилось детоубийство? Если мы существуем как резервуары, в которых размножаются гены, то почему родитель может убить своего ребёнка? Ответ, пожалуй, напрашивается сам по себе: не всё целиком обусловлено генами. Ведь и Кант недоумевал: почему младенец громко плачет, привлекая к себе внимание хищников? Отчего, мол, природа не заложила в поведение ребёнка нужную осторожность? Зачем оставила чадо без гарантии сбережения? Но можно ли полагать, что за каждым капризом природы или несовершенством скрывается стратегия приспособления к окружающей реальности?

Известный учёный Ричард Докинз доказывал, что эволюция не могла создать какой-либо сложный вид или орган одним усилием. Для этого понадобилось бы много удачных мутаций, которые произошли бы одновременно. А с другой стороны, будем справедливы: эволюция сумела продемонстрировать не только промахи и ошибки. Она принесла и неоспоримые преимущества. Наши визуальные системы, несмотря на замечательные компьютерные достижения, по-прежнему превосходят визуальные возможности любой машины. Паучья сеть крепче стали и эластичнее резины. В остальном, будучи равноправными, виды (и органы, от которых они зависят) со временем всё лучше и лучше приспособляются к окружающей среде – порой даже достигая теоретических пределов, как в случае с вышеупомянутой чувствительностью глаза. Гемоглобин (ключевой ингредиент красных кровяных телец) великолепно адаптирован к задаче доставки кислорода, настраиваясь незначительными колебаниями у различных видов так, что может загружать и разгружать запас кислорода способами, оптимально соответствующими преобладающему атмосферному давлению, – одним способом для существ, живущих на уровне моря, другим для таких видов, как горный гусь, обитатель верховьев рек в Гималаях. Начиная с биохимии гемоглобина и заканчивая замысловатыми оптическими системами глаза, есть тысячи проявлений биологии, когда она поразительно близка к совершенству.

Мозг без психики

В нейронауках обсуждается ещё один скандальный вопрос, связанный с десакрализацией мозга: располагает ли он неким собственным содержанием или вообще является лишь «перевалочным пунктом»? Иначе говоря, действительно ли мысль возникает в мозге? Связь мозга и человеческого сознания, казалось бы, не вызывает вопросов. Известно, что контузия мозга или кислородная недостаточность могут привести к потере сознания. Применение психоделиков или лекарств чревато изменёнными формами сознания. Однако нейрохирург мировой известности Уайлдер Пенфилд в книге «Тайна сознания» выразил сомнение в том, что сознание является продуктом мозга. Иначе говоря, сознание невозможно объяснить в терминах церебральной анатомии и физиологии [23].

Многие учёные доказывают, что сознание вовсе не обязательно является продуктом мозга, и связывают это заблуждение с механическим мышлением. «Логика этого полученного механистической наукой вывода весьма сомнительна, – отмечает С. Гроф, – и, разумеется, можно представить себе теоретические системы, которые объясняли бы имеющиеся данные совершенно иначе. Иллюстрацией может послужить такой простой пример, как телевизор. Качество изображения и звука

строго зависит от правильной работы всех компонентов, а неисправность или поломка какого-нибудь из них приведёт к весьма специфическим искажениям» [3, с. 39].

В свете этих рассуждений вопрос о дефектах мозга в значительной степени снимается. Ведь в этом случае он оказывается всего лишь транслятором сознания, которое вовсе не рождается в самом мозге. Может быть, действительно мозг не является идеальным передатчиком информации, которая устремляется к нам из других источников. А это означает, что мозг не является источником мысли и человеческих страстей. Нет оснований приписывать ему и неслыханные озарения, о которых говорили философы и поэты. Величайшие тайны сознания отлепились от мозга, и он утратил ореол нерушимости и праведности.

Между тем нейронаука по-прежнему пытается свести всё богатство человеческих состояний к отдельным частям мозговой ткани. Оказывается, разнообразие антропологических обнаружений и психологических процессов строго инициировано конкретным участком мозга. Пространство человеческой воли, по сути дела, сошло на нет. Вот, скажем, супружеская неверность обусловлена вовсе не оскудением моральных императивов, а наличием гена измены. Если мужчина или женщина по тайне генетического наследования обрели такой фрагмент, факт измены законному супругу гарантирован. Бабники и распутницы – мутанты. У них изменён ген, который связан с системой восприятия удовольствия от секса. Искушение возникает тогда, когда в мозг впрыскивается домафин – гормон удовольствия.

Всё чаще повторяется мысль: свободная воля – это химера. Физиолог Бенджамин Либет выявил эффект потенциала готовности к действию. Человек ещё не успел даже подумать о том, как ему следует поступить, а в определённом участке мозга за микроскопический отрезок времени уже сложилась конкретная реакция. В ходе проверочного эксперимента было продемонстрировано, что человек, осознав свой выбор, неумолимо нажмёт на ту кнопку, где такой вариант уже приурочен. Нейрофизиолог Джон-Дилан Хейнс и коллеги, участвовавшие в этом исследовании, пришли к выводу, что сеть управляющих участков мозга, ответственных за принятие решений, начинает формироваться задолго до того, как мы начинаем об этом подозревать.

Человек, как показали опыты Р. Сперри, может демонстрировать два независимых выбора, но оба вызваны так называемым геном Бога, то есть мозговой тканью, которая целиком обуславливает наше возможное поведение. Вы включили телевизор и уверены, что это ваше безупречное желание. Но это совсем не так. У людей с перерезанным мозолистым телом (так называется перемычка, которая соединяет левое и правое полушарие мозга) рождаются две независимые личности (одна в правом, другая в левом полушарии). Эти две личности, что парадоксально, не конфликтуют друг с другом и даже не подозревают о существовании друг друга.

Мозг, контролирующий мельчайший нюанс нашего поведения и уже заведомо знающий о нём, – это ли не исчадие ада? Человек, утративший свободу выбора и безоговорочно следующим полученным сигналам, – это ли не крах былой сакральности мозга?

Список литературы

1. *Бэкхёрст Дэвид*. Формирование разума / Под ред. и с предисл. В.А. Лекторского. Перевод Е.О. Труфановой. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 368 с.
2. *Гончарова С.Ю.* Интенциональность сознания как биологическое свойство мозга // Психология и психотехника. 2014. № 3(66). С. 295–303.
3. *Гроф Станислав*. За пределами мозга: Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии / Пер. с англ. М.: Ин-т трансперсонал. психологии: Изд-во Ин-та психотерапии, 2000. 497 с.: ил.
4. *Гроф Станислав*. Исцеление наших самых глубоких ран: холотропный сдвиг парадигмы / Пер. с англ. Ст. Офертаса и А. Киселева. 2-е изд., испр. М.: Ганга, 2013. 365 с.
5. Гуманитарное знание и вызовы времени / Отв. ред. и составитель тома С.Я. Левит. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 480 с.
6. *Гуревич П.С.* Технологии свихнувшегося разума // Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека / Отв. ред. Г.Л. Белкина; ред.-сост. М.И. Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2012. 496 с. С. 355–372.
7. *Князева Е.Н.* Когнитивная архитектура воплощённого разума как понятие неклассической эпистемологии // Философия и культура. 2010. № 2(26). С. 29–40.
8. *Маркус Г.* Несовершенный человек: случайность эволюции мозга и её последствия / Пер. с англ. Р. Пискотина. М.: Альпина нон-фикшн, 2011. 253 с.: ил.
9. *Мотрошилова Н.В.* Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. 482 с.
10. Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова / Отв. ред. Г.Л. Белкина; ред.-сост. М.И. Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2015. 432 с.
11. *Пинкер Стивен*. Субстанция мышления. Язык как окно в человеческую природу / Пер. с англ. В.П. Мурат, И.Д. Ульяновой. М.: URSS, 2013. 557 с.: ил.
12. Релятивизм как болезнь современной философии / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. 392 с.: ил.
13. *Рябушкина Т.М.* Познание и рефлексия. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 352 с.
14. *Смит Роджер*. Быть человеком: историческое знание и сотворение человеческой природы. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 368 с.
15. *Тарт Чарльз*. Конец материализма: как паранормальные явления объединяют науку и духовность: начало духовного пробуждения / Пер. с англ. Н. Филонцевой. М.: Постум, 2013. 421 с.: ил.
16. *Фуко Мишель*. Ненормальные: курс лекций, прочит. в Колледже Франс в 1974–1975 учеб. г. / Пер. с фр. А.В. Шестакова. СПб.: Наука, 2004. 431 с.

17. Шпрангер Э. Формы жизни: Гуманитарная психология и этика личности / Пер. А.К. Судакова. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 400 с.
18. Ясперс К. Общая психопатология / Пер. с нем. Л.О. Акопяна. М.: Практикум, 1997. 1053 с.
19. Chater N., Tenenbaum J.B., & Yuille A. (2006). Probabilistic models of cognition: Conceptual foundations // Trends in Cognitive Science. 2006. No. 10(7). P. 287–291.
20. Dijksterhuis A. & Nordgren L.F. (2006). A theory of unconscious thought // Perspectives on Psychological Science. 2006. No. 1(2). P. 95–101.
21. Linden D.J. The accidental mind. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 2007. 288 p.
22. Marcus G.F. The birth of the mind: How a tiny number of genes creates the complexities of human thought. New York: Basic Books, 2004. 288 p.
23. Penfield W. The mystery of the mind. 2-d ed. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1978. 123 p.
24. Schacter D.L. The seven sins of memory: How the mind forgets and remembers. Boston: Houghton Mifflin, 2001. 272 p.
25. Tooby J. & Cosmides L. Mapping the evolved functional organization of mind and brain // The cognitive neurosciences / Ed. by M.S. Gazzaniga. Cambridge, MA: MIT Press, 1995. P. 1185–1197.